

С.Ш. Кубаев

Институт археологических исследований
им. Яхя Гулямова АН Республики Узбекистан
ул. В. Абдуллаева, 3, Самарканд, 140151, Узбекистан
E-mail: surat.kubayev@mail.ru

ТРИПОД ИЗ ПАМЯТНИКА ХАНТЕПА

Статья посвящена изучению материалов памятника Хантепа, расположенного вблизи античного столичного центра Согда — Еркургана. Материалы памятника важны для изучения этнокультурных взаимосвязей древнего населения Кашкадаринского оазиса. Анализ археологических находок из памятника Хантепа дает возможность проследить влияние культур кочевников на культуру земледельческого оазиса. Такое влияние прослеживается в керамике бытового и культового назначения, а также в терракотовых изделиях. Среди находок особенно интересна ножка трипода, интерпретированного как переносной алтарь или курильница. Изучение переносных алтарей и курильниц Средней Азии свидетельствует о проникновении этого предмета с кочевниками Восточной Европы. В подтверждение данного предположения в статье приводятся сведения о появлении переносных алтарей и курильниц на территории Средней Азии с эпохи бронзы до раннего средневековья. Другие терракотовые предметы памятника также требуют особого изучения. Рассматриваемая находка позволяет дополнить представления об истории развития мировоззрения у населения Южного Согда.

Ключевые слова: трипод, святилище, кирпич, Южный Согд, Еркурган, бронзовый век, миграция, алтарь, курильница, башня, раннесредневековая.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-081-085

В культуре древних народов мира числа имели своеобразную символику. Некоторые числа заключали в себе какой-то магический или религиозный смысл. В этой системе число «три» занимало особое место. По мнению исследователей, в основе символики числа «три» лежит идея о трехчастном вертикальном строении Вселенной, организующим началом которой является мировое дерево или его эквиваленты — мировая гора, столб и т.д. Каждая из трех зон мироздания обладала своим символом или кодом, в том числе зооморфным, в соответствии с которым определенное животное символизировало соответствующую зону Вселенной (птица, копытное рогатое животное, хищники). Все это нашло отражение в появлении своеобразных сосудов — триподов. Один из таких сосудов был найден во время археологических раскопок на памятнике Хантепа.

Памятник Хантепа находится в 1,72 км к югу от античного столичного центра Южного Согда — Еркургана и в 1,6 км к северо-западу от его средневекового центра — Шюлликтепа (Насаф) (рис. 1). В результате археологических исследований здесь были обнаружены остатки монументального здания размерами 47×50 м с четырьмя башнями на углах.

Вход в основное здание памятника располагался на восточной стороне. Все подходы простреливались из бойниц, а вход позднее был обнесен своеобразными «ловушками». Здание ориентировано по сторонам света. Башни, прямоугольные в плане, имели два яруса щелевидных бойниц (рис. 2). Само сооружение было двухэтажным. Остатки второго этажа зафиксированы в северной части комплекса, а пандус, ведущий на второй этаж, находился в западной части памятника.

Центральное место в здании занимало помещение 11, которое интерпретируется как «святилище». Оно имело квадратную в плане форму (рис. 2), размеры 4,5×4,5 м. В южной стене святилища расчищена широкая и глубокая ниша (3,10×0,90 м). Вход в него, шириной 0,80 м, отделен от остальной части помещения тонкой тамбурной стенкой длиной 2 м и шириной 0,30 м, расположенной параллельно северной стене и находящейся в северо-восточном углу. Стены святилища многократно оштукатуривались саманной глиной. Не исключено, что на каком-то этапе функционирования его стены покрывались росписью, так как небольшие ее фрагменты были выявлены в южной части ниши. На фрагментах росписи отмечены отдельные прямые красные мазки, оконтуренные узкими черными линиями; к сожалению, сохранность их очень плохая.

Керамика из помещения 11 памятника Хантепа находит многочисленные аналоги в материалах ранее изученных памятников Каршинского оазиса, датируемых V–VI вв. Так, широко

известны «нахшебские» кувшинчики, более или менее стандартных размеров, датируемые этим же периодом [Кабанов, 1977, с. 22, рис. 2; Кабанов, 1981, с. 89, рис. 45; Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 132, рис. 53]. Другой характерной формой керамических комплексов периода являются лепные сосуды — котлы, светильники, курильницы, а также очажные подставки. Все они изготавливались из глины с примесью шамота [Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 100, рис. 59, табл. 13]. Очажные подставки, целые и во фрагментах, являются неотъемлемой частью археологического комплекса основного здания. Широко распространены в материалах V–VI вв. и светильники с зооморфными ручками, которые зафиксированы при раскопках таких памятников, как Коштепа 2 [Кабанов, 1981, с. 104, рис. 53], Шортепа и Пирматбабатепе [Кабанов, 1977, с. 118, рис. 13]. Курильницы с орнаментом, аналогичные хантепинским, были найдены в верхних слоях городского храма Еркургана [Исамиддинов, Сулейманов, 1977, с. 66–67], а также в керамическом комплексе из среднего слоя Мудинтепа [Кабанов, 1977, с. 22, рис. 2] и в слоях V в. поселения Пирматбабатепе. Таким образом, на основании аналогов в материалах других, ранее изученных памятников материалы из золистых слоев помещения 11 Хантепа можно датировать V–VI вв.

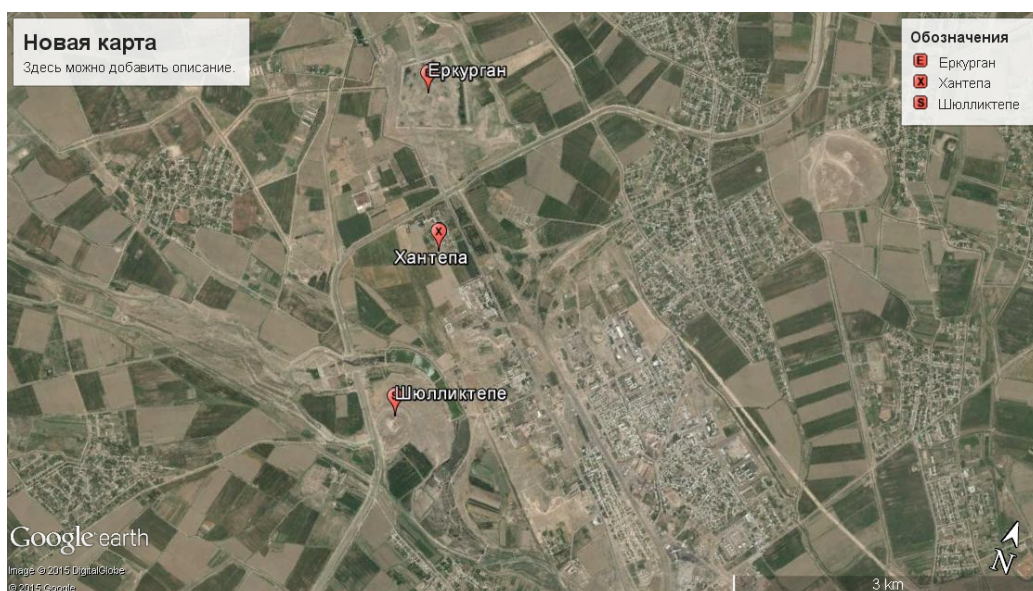

Рис. 1. Фотоснимок местоположения памятника Хантепа.

Среди находок из помещения отмечен интересный фрагмент в виде трехчастной ножки неизвестного предмета, высотой 22 см, толщиной 5 см (рис. 3). Ножка изготовлена из слабообожженной глины с примесью мелкодробленой соломы и обмазана по верхней части. Поверх ножки располагалась ровная площадка, которая из-за отсутствия соломы в тесте немного отличается по составу глины от основы. На площадке имелось три отверстия, вероятно предназначенных для соединения ножки с чашей. Материал стержней, видимо, имел органическую основу, и с разложением его стержни не сохранились. Следовательно, верхняя часть предмета была изготовлена отдельно, а затем ножки прикреплялись к нему. В верхней части чаши отмечены следы обжига и остатки золы. Это позволяет предположить, что предмет был переносным алтарем или курильницей.

Как известно, в святилищах огнепоклонников для проведения обрядов имелись курильницы, светильники и переносные алтари (жертвенники), аналогичные нашей находке. Близким аналогом ей можно считать курильницу, найденную в храме Еркургана [Сулейманов, 2000, с. 95]. Она состоит из чаши с разными украшениями на высокой ножке, подобные чаши широко распространены по всей Средней Азии. А самые древние сосуды-триподы на территории Средней Азии были обнаружены в кушанском могильнике Аруктау [Мандельштам, 1975, с. 77] и в Дальверзинтепе [Пугаченкова, 1978, с. 146], датирующихся концом II в. до н.э. — III в. н.э. Аналогичный сосуд с массивными ножками также найден на Мунчактепе и в Ширинсайском могильнике в слоях III–IV вв. [Мандельштам, 1975, табл. 9]. Еще один сосуд-трипод в виде «открытой тарелки» происходит из могильника Ходжаи-Соф [Марафиев, Москаленко, 1988, с. 77].

Трипод из памятника Хантепа

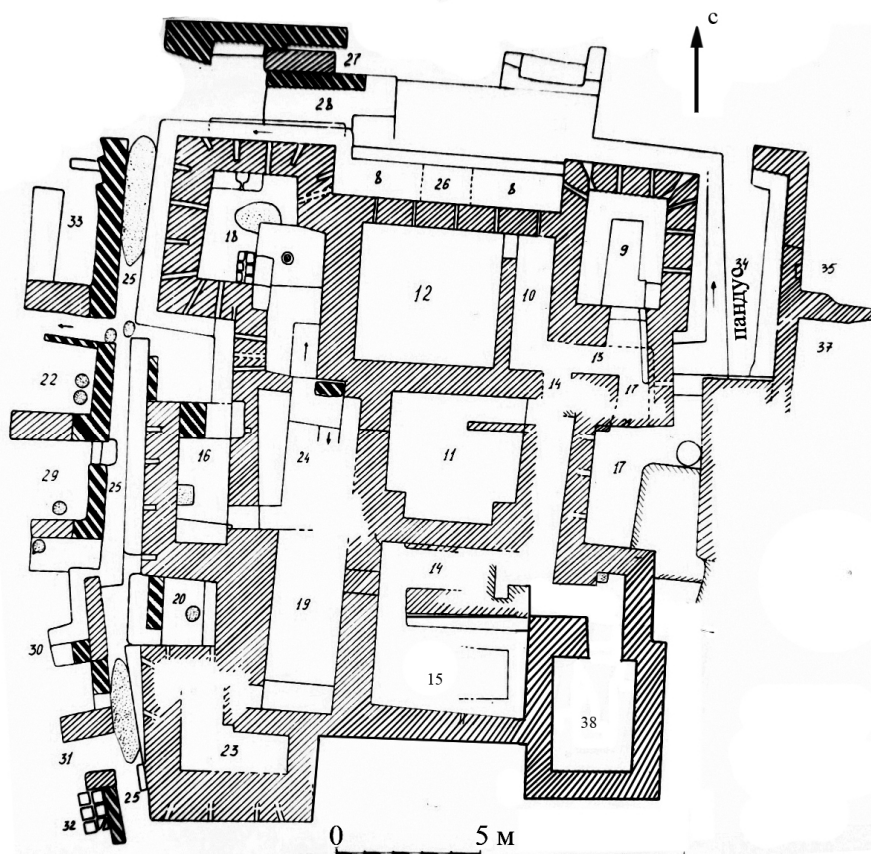

Рис. 2. План основного здания памятника Хантепа.

Керамические предметы с тремя ножками также отмечены в согдийских поселениях Чуйской долины [Бернштам, 1950, с. 115, табл. LVI] и на памятниках современного Казахстана. Например, такая курильница была найдена в Отрарском оазисе на городище Куюк-мардан с комплексом, датируемым VI–VII вв. [Авизова, 2016, с. 21–36].

Пока мы не располагаем прямыми или косвенными свидетельствами о появлении переносных алтарей и курильниц в храмах Средней Азии. Также важен вопрос, имеют ли в Средней Азии местные корни или являются интегрированным элементом.

Известно, что для раннесредневекового Согда самая ранняя культовая сцена с жертвенником отмечена в росписях Пенджикента V — начала VI в., керамическая находка из Еркургана также датирована V в. [Шкода, 2009, с. 252]. Как и в росписях Дильберджина, Варахши, эти предметы имели коническую ножку, нередко с изображением божества, и зонтик в верхней части, к которому часто подвешивались колокольчики [Там же, с. 272]. Над зонтиком помещали чашу для возжигания огня, которая была съемной. Для этой чаши предназначались ручки, прямые и в виде колец, которые отчетливо видны на варахшинском и на одном из пенджикентских жертвенников, а также на алтаре, изображенном на хорезмийской чаше. Таким образом, алтарь состоял из двух частей: подставки с диском или зонтиком в нижней части и чаши для возжигания огня в верхней. Пропорции жертвенников по отношению к изображенным рядом с ними фигурам людей в некоторых сценах на росписях позволяют утверждать, что это стационарные (непереносимые) алтари огня. Жертвенники, изображенные в руках донаторов в сценах поклонения богам, служили переносными алтарями. Они состоят из тех же деталей, что и стационарные, но чаша для огня на них изображалась без ручек, т.е. она являлась не съемной, а цельной с подставкой. Подставка под чашей на стационарных и переносных жертвенниках оканчивается сверху диском или зонтиком с колокольчиками. Аналогии и в этом случае восходят к ахеменидским курильницам: ножки некоторых из них имеют зонтикообразное навершие.

Рис. 3. Трипод из помещения 11.

По этой причине некоторые исследователи появление алтарей и других культовых изделий, применявшихся в ритуалах храмов Средней Азии, связывают с распространением зороастризма на обширных территориях региона, так же как использование в культовой практике хорезмийцев, согдийцев и тохаристанцев алтарей определенного типа, аналогичных «аташданам» Парса и ранних Сасанидов. Но надо отметить, что еще в V в. до н.э. Геродот писал о персах, что они не возводят ни статуй, ни храмов, ни алтарей. А в Средней Азии имеются данные об использовании в храме Джаркутан инвентаря для проведения ритуалов (переносные алтари) в эпоху бронзы [Ширинов, 1993]. Все это позволяет отметить, что переносные алтари в культовых ритуалах Согда имеют ранние корни в автохтонных культурах. Но, как видим, хантепинская находка по своим формам заметно отличается от согдийских переносных алтарей и курильниц. Можно сказать, что она имеет своеобразные черты, которые не наблюдаются в курильницах и алтарях Ирана.

В заключение добавим, что уникальная находка из Хантепа свидетельствует о существовании своеобразного религиозного мировоззрения, а также о симбиозном характере культуры Южного Согда. Это можно объяснить близостью Южного Согда с эллинистической Бактрией или же расположением Согда на перекрестке Великого Шелкового пути. Последнее может являться главным объяснением, так как согдийцы играли немаловажную роль в развитии международных культурных отношений Средней Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авизова А.К.* Новые археологические исследования на городище Куюк-Мардан в Отрарском оазисе // История и Археология Турана. Самарканд: Изд-во Ин-та археол. исследований АН РУз. 2016. № 2. С. 21–37.
- Бернштам А.Н.* Согдийская культура и тюркский каганат // Труды Семиреченской археол. экспедиции. Чуйская долина. Экспедиция 1938–41 гг. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1950. 158 с.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х.* Комплекс ритуально-культовой керамики IV–V вв. из Южного Согда // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. Вып. 13. С. 65–70.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х.* Еркурган. Ташкент: Фан, 1984. С. 159.
- Кабанов С.К.* Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент: Фан, 1977. С. 173.
- Кабанов С.К.* Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. по материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища. Ташкент: Фан, 1981. С. 128.
- Мандельштам А.К.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Тохаристанской археол. экспедиции. Л.: Наука, 1975. Т. 1. С. 226.
- Марафиев С.Ш., Москаленко Н.А.* Археологические находки из Ходжаи Соф // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 73–87.

Трипод из памятника Хантепа

Пузаченкова Г.А. Квартал керамистов // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. С. 115–142.

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент: Фан, 2000. С. 433.

Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд, 1993. С. 238.

Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII веков). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 279.

S.Sh. Kubayev

Yahya Gulamov Institut for Archaeological Research
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
V. Abdullaev st., 3, Samarkand, 140151, Uzbekistan
E-mail: surat.kubayev@mail.ru

A TRIPOD FROM THE MONUMENT OF KHANTEPA

The article is dedicated to the study of the details of the material culture of the monument of Khantepe, located in the ancient capital center of Sogd Erkurgan. Materials from the monument gave interesting data, confirming ethnocultural relationships of the ancient population of the Kashkadarya Oasis. Archaeological findings from the monument of Khantepe allow us to trace the influence of nomadic cultures on the culture of the agricultural oasis. Such influence can be traced in the ceramics of everyday life and for religious purposes, as well as in terracotta. A tripod leg is of particular interest among the findings. It is thought to be a portable altar or a censer. The study of portable altars and censers of Central Asia proves that finding to appear with the nomads coming from Eastern Europe. The article describes the history of appearance of portable altars and censers in Central Asia from the Bronze Age to the Early Middle Ages in order to confirm this theory. In addition, the remaining terracotta of the monument also requires a special scientific approach. An important place is given to one of such terracotta, which complements the history of the development of the worldview of the population of Southern Sogd.

Key words: tripod, sanctuary, brick, Southern Sogd, Erkurgan, Bronze Age, migration, altar, censer, tower, Early Middle Ages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-081-085

REFERENCES

Avizova A.K., 2016. Novye arkhologicheskie issledovaniia na gorodishche Kuiuq-Mardan v Otrarskom oazise [A new archaeological research on the ancient settlement of Kuyuk-Mardan in the Otrar oasis]. *Istoriia i Arkheologija Turana*, no. 2, Samarkand: Izdatelstvo Instituta arkheologicheskikh issledovaniia Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan, pp. 21–37.

Bernshtam A.N., 1950. Sogdiiskaia kul'tura i tiurkskii kaganat [Sogdian culture and the Turkic Khaganate]. *Trudy Semirechenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Chuiskaia dolina. Ekspeditsiia 1938–41 gg.* Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 158 p.

Isamididinov M.Kh., Suleimanov R.Kh., 1977. Kompleks ritual'no-kul'tovoi keramiki IV–V vv. iz Yuzhnogo Sogda [A complex of ritually cult ceramics of the IV–V centuries from Southern Sogd]. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana*, 13, Tashkent: Fan, pp. 65–70.

Isamididinov M.Kh., Suleimanov R.Kh., 1984. *Erkurgan* [Erkurgan], Tashkent: Fan, 159 p.

Kabanov S.K., 1977. *Nakhshab na rubezhe drevnosti i srednevekov'ia (III–VII vv.)* [Nakhshab at the turn of antiquity and the Middle Ages (III–VII centuries)], Tashkent: Fan, 173 p.

Kabanov S.K., 1981. *Kul'tura sel'skikh poselenii luzhnogo Sogda III–VI vv. po materialam issledovaniia v zone Chimkurganskogo vodokhranilishcha* [Culture of rural settlements of Southern Sogd of III–VI centuries. Based on materials of a research in the zone of the Chimkurgan reservoir], Tashkent: Fan, 128 p.

Mandel'shtam A.K., 1975. Pamiatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoi Baktrii [Nomadic monuments of the Kushan time in Northern Bactria]. *Trudy Tokharistanskoy arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 1, Leningrad: Nauka, 226 p.

Marafiev S.Sh., Moskalenko N.A., 1988. Arkheologicheskie nakhodki iz Khodzhai Sof [Archaeological findings from Khojai Sof]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*, XXI (1981 g.), Dushanbe: Donish, pp. 73–87.

Pugachenkova G.A., 1978. Kvartal keramistov [Quarter of ceramists]. *Dal'verzintepe — kushanskii gorod na yuge Uzbekistana*, Tashkent: Fan, pp. 115–142.

Suleimanov R.Kh., 2000. *Drevnii Nakhshab* [Ancient Nakhshab], Tashkent: Fan, 433 p.

Shirinov T.Sh., 1993. *Ranniaia gorodskaia kul'tura epokhi bronzy iuga Uzbekistana* [The early urban culture of the Bronze Age in Southern Uzbekistan], Samarkand: Izdatelstvo Instituta arkheologicheskikh issledovaniia Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan, 238 p.

Shkoda V.G., 2009. *Pendzhikentskie khramy i problemy religii Sogda (V–VIII vekov)* [The temples of Pendjikent and the Problems of Sogdian Religion (5th to 8th centuries)], St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 279 p.